

чести античных традиций: «С тех пор, как помнят люди, эллины всегда населяли эту страну, и никто другой не жил здесь до них» (Ibid. Col. 824A) ⁴³.

Но как бы ни называли себя византийцы — римлянами или греками, их патриотизм носил очевидный оттенок великодержавности. Непризнание полноценности любого из варваров — вот оборотная сторона византийского патриотизма. Даже Никифор Григора, представляющий немногочисленную когорту прогрессивно мыслящих ученых, высказался в духе традиционного понимания патриотизма: «Разве не мудрец был тот, кто провозгласил себя блаженным за то, что родился эллином, а не варваром?» (Greg. I. P. 383. 9—10).

Димитрий Кидонис, сломав в «Апологии» все каноны выражения патриотического долга, предвидел, что он, по всей вероятности, не будет понят соотечественниками ⁴⁴. Но реальная ситуация вынудила его произнести слова, которые более, нежели многочисленные дифирамбы в адрес василевса и столицы, соответствовали конкретной политической обстановке в стране: «Родина горда и не терпит, чтобы кто-то из граждан смел противоречить ее мнениям... Поскольку я ее гражданин, она принуждает говорить заодно с ней» (Cydon. Apol. P. 400. 94—97). Согласно Кидонису, непомерное словоблудие энкомиастов может сослужить лишь плохую службу родной стране. Истинный гражданский долг состоит отнюдь не в бесконечных похвалах в адрес отчизны, а в реальном желании помочь ей в трудную минуту. Эта мысль очень четко отражена в «Апологии»: «Я называю (долгом) хорошего гражданина не только стремление преумножить делами честь города, но и заботу о том, чтобы он не приобрел дурной славы...» (Ibid. P. 396. 52—54). Почитая родину самым святым из всего, что имеет человек, будучи готовым встать на ее защиту в случае войны (Ibid. P. 400—401), Кидонис видит пользу для родной страны в том, чтобы порой с ней не согласиться, если она стоит на неверном пути («...желающие слушаться только родины в действительности умерщвляют ее неуместным угодничеством» — Ibid. P. 401.23—24). Он отмечает в «Апологии», что любовь к отчизне должна быть разумным чувством. Восхваляя родину, нельзя поносить остальные народы, преступая этим справедливость. Автор сочинения глубоко убежден, что есть предел выражению слепой любви к родине: «...я обещаю быть слугой отчизне; но если она требует предпочтения перед Богом и истиной, я спрашиваю ее, нужно ли ей оказывать такую услугу, которая причинит вред и ей, и мне самому» (Ibid. P. 400. 12—15).

Позиция Димитрия Кидониса свидетельствует, что к середине XIV в. официальная политическая доктрина дала трещину. Появление приведенных мнений о сущности патриотизма было не просто индивидуальной позицией Кидониса: жизнь диктовала изменение внешнеполитического курса политики страны. И хотя суть доктрины продолжала жить как в официальных заявлениях и церемониале, так и в политическом сознании, попытки утвердить контакты с другими народами подтверждали своевременность выступления Димитрия Кидониса, видевшего намного дальше, чем его современники. {274}

Перемены в соотношении политических сил в Юго-Восточной Европе ставили Византию перед необходимостью пересмотра своих позиций в отношении тех, кто по традиции именовался варварами. Это отразилось, например, в изменении официальной титулатуры государей, с которыми василевс вступал в политические контакты ⁴⁵. Так, если отношения византийского императора с турецким правителем с середины XIV в. вплоть до 1421 г. были зафиксированы в придворной иерархии ⁴⁶, то в 30—40-е годы XV в. турецкий правитель считался уже не сыном отца-императора, а его другом ⁴⁷. Этот пример свидетельствует о том, что реакция византийского правительства на изменения в реальной расстановке сил на внешнеполитической арене была крайне замедленной, сдерживаемой многовековой традицией, закрепленной в политическом сознании десятков поколений.

Конкретная политическая ситуация принципиально изменила положение Византии в международном мире: ей нужно было теперь просить о помощи, а не оказывать покровитель-

⁴³ См. об этом: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм. С. 126—130.

⁴⁴ *Поляковская М. А.* Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом. С. 45—52.

⁴⁵ *Dölger F.* «Familie der Könige» im Mittelalter // *Byzanz und die europäische Staatenwelt.* Darmstadt. 1964. S. 39. Anm. 8.

⁴⁶ *Matschke K. P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1985. S. 51—56.

⁴⁷ *Медведев И. П.* К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи. С. 137—139.